

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

*В.И. ПАНТИН,
В.В. ЛАПКИН*

Трансформация национально- цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы*

Будущее демократии в России, результативность постсоветских общественно-политических и хозяйственно-правовых преобразований, да и собственно перспективы российского государства и российской нации в современном мире в существенной мере определяются происходящими в стране процессами кризисной трансформации национально-цивилизационной идентичности. Потребности адаптации к реальности постсоветского, постимперского существования, к новой конфигурации власти и собственности, к новому геополитическому климату и т.п. способствовали стремительному размыванию доминировавшей прежде советской национально-цивилизационной идентичности. В целом эпоха политической демократизации и рыночных реформ побуждала к массовому освоению новых, ранее неведомых советскому человеку социально-политических практик, норм, ценностей, социальных реалий и установок.

Новые, либерально-индивидуалистические модели социально-экономического поведения индивида становились для многих россиян более надежной основой формирования их жизненных целей, давали более эффективные социально-психологические средства реализации собственных интересов. Наряду с этим для значительной части российского общества, не очень успешно адаптировавшейся к постсоветским трансформациям, поиски "образцов" самоидентификации зачастую вели к реанимации традиционно-почвеннической альтернативы в ее разнообразных вариациях. Так оформлялись фундаментальные ценностные расколы [Дилигенский, 1996, с. 46; Холодковский, 1998, с. 16; Лапкин, Пантин, 1998; Лапкин, 2002, с. 56], характеризующие острый кризис идентичности российского общества, а вместе с тем и существующие в массовом сознании цивилизационные альтернативы российского развития.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 03-03-00227а).

Пантин Владимир Игоревич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Лапкин Владимир Валентинович – кандидат химических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Изучение меняющихся представлений о национально-цивилизационной идентичности в российском массовом сознании и самоопределении России в глобализирующемся мире представляется весьма актуальным и принципиально важным для понимания и прогноза дальнейшего развития и модернизации российского общества. И. Левин писал, что «зависимость социально-политической морфологии от этнокультурного и, шире, цивилизационного уклада – факт хорошо известный. Особенно рельефно такая зависимость прослеживается в структурах гражданского общества, которые, как многократно отмечалось, вырастают прямо в "теле" социума, из его сокровенных глубин. И возникающие здесь проблемы "отторжений" и "несовместимостей" приобретают чрезвычайную остроту» [Левин, 1998, с. 24].

Иными словами, само качество гражданского общества и эффективность взаимодействия его структур с политическими институтами государства определяются установками, ценностями и ориентациями, обусловленными культурно-цивилизационным контекстом и непосредственно связанными с доминирующими в массовом сознании образами идентичности. (Так, "советская" идентичность, на протяжении долгого времени доминировавшая в массовом сознании жителей Советского Союза, обуславливала патерналистский характер отношений массовых социальных групп с государством или, иначе говоря, их лояльность и послушание по отношению к "отеческой власти" в обмен на минимальные социальные гарантии.)

Актуальность и острота рассматриваемой проблемы связаны также с ростом национального самосознания этнических групп в России и непростыми отношениями России со странами Европы, Америки и Азии, которые сложились после распада Советского Союза, с утратой Россией статуса сверхдержавы и потерей многими россиянами прежних жизненных ориентиров. При этом российские граждане после 1991 г. были, по существу, лишены возможности идентифицировать себя с дореволюционной Россией, ощущать себя "подданными Российской империи", поскольку все основные элементы прежней православно-имперско-самодержавной идентификации в течение всего советского периода методично и последовательно разрушались и искоренялись. Так что в наши дни возрождение дореволюционных основ российской идентичности оказалось делом безнадежным.

Проблема преодоления кризиса идентичности еще более усугубляется процессами глобализации, поощряющими индивидуализацию и атомизацию общества, а вместе с тем размывающими традиционные основы национальной идентичности, что в целом существенно воздействует на идентификацию отдельных людей и целых социальных групп во всех современных обществах [Бауман, 2002; Бек, 2001; Элиас, 2001]. Без радикального обновления собственной национально-цивилизационной идентичности российское общество не будет достаточно интегрированным и устойчивым, способным отвечать на многочисленные вызовы современного мира, не сможет осуществить полноценную экономическую, социальную и политическую модернизацию. Кроме того, не следует забывать, что представления о национально-цивилизационной принадлежности и соответствующие образы идентичности непосредственно влияют на формирование политических ориентаций, связанных с массовым восприятием места и роли России в современном мире, с отношением к странам Запада, западным институтам и ценностям.

В настоящей статье предпринята попытка проследить и обобщить основные тенденции трансформации национально-цивилизационной идентичности и соответствующие им образы в российском массовом сознании. Подчеркнем, что в отличие от многих других исследований здесь анализируются образы идентичности, существующие именно в массовом сознании, а не те идеи и построения о российской идентичности, которые наличествуют у представителей интеллектуальной элиты – философов, политологов, идеологов и др. Несмотря на то, что между представлениями массового сознания и идеями интеллектуалов существует определенное взаимодействие, на наш взгляд, необходимо четко отличать одно от другого и не выдавать, как это часто дела-

ется, точку зрения отдельных представителей интеллектуальной или политической элиты за позицию широких слоев населения.

Кризис идентичности в современном российском обществе и перспективы его преодоления

Как уже отмечалось, кризис и утрата подавляющим большинством российского общества прежней "советской" идентичности обострили и актуализировали проблему поиска основ новой национально-цивилизационной идентификации. Немаловажным при этом было то, что в отличие от стран Запада в современной России до сих пор не сформировалось полноценное государство-нация со своими национальными интересами, по поводу которых сложился бы консенсус и внутри правящей элиты, и среди большинства населения [Национальные... 1997; Национальный... 2000]. Необходимость постимперской адаптации к геополитическим и геоэкономическим реалиям современного мира, порожденным распадом СССР, для многих россиян стала почти неодолимой жизненной проблемой, мировоззренческой драмой, чреватой различного рода кризисами, конфликтами и потрясениями [Подвинцев, 1999, с. 52]. По существу, Россия как бы "застряла" между архаичной империей и более современным государством-нацией, не будучи ни тем, ни другим. Особое положение российского социума (промежуточное между Западом и Востоком, между традиционным и современным обществом) дополнительно усугубило для многих россиян проблему самоидентификации, выработки критериев и признаков государственно-национального устройства, с которыми они могли бы себя идентифицировать. Кризис идентичности в российском обществе достиг максимальной глубины в 1990-е гг. и продолжает сохранять свою остроту до настоящего времени.

Все 1990-е гг. среди россиян отсутствовало какое-либо единогласие по поводу ценностных оснований и нормативных принципов социальной жизни общества. Так, по данным опроса, проведенного Фондом "Общественное мнение" (ФОМ) в феврале 1995 г., 46% опрошенных считали, что Россия должна ориентироваться только на традиционно русские ценности и стандарты жизни, 11% – на традиционно русские и советские, 16% – только на советские, 4% – только на западные, 7% – на западные и традиционно русские, 3% – одновременно на традиционно русские, западные и советские (более подробно характеристику выборки и инструментария исследования см. [Клямкин, Лапкин, Пантин, 1995, с. 57]). Безусловно, запрос на возрождение традиций национальной государственности и характеризующих ее норм и ценностей находит наибольший отклик в сознании россиян, но даже столь абстрактно сформулированные ценностные альтернативы позволяют выявить принципиальную неоднородность нормативно-ценностной самоидентификации наших сограждан. Более того, очевидна отчетливая связь между ориентацией на перечисленные типы ценностей и представлениями о желательном государственном устройстве России, то есть предпочтительными образами национально-цивилизационной идентичности (см. табл. 1). В частности, отметим, что сторонников укрепления и развития собственного национального государства больше всего было среди тех, кто считал необходимым ориентироваться только на западные либо на западные и традиционно русские, либо одновременно на традиционно русские, западные и советские ценности и стандарты жизни. Иными словами, ориентация на западные ценности (исключительно или в сочетании с иными ценностными предпочтениями) в значительной мере соответствует запросу на укрепление собственного национального государства, тогда как усилия власти по воссозданию различного рода имперских или постимперских форм государственности среди сторонников такой ценностной приверженности востребованы существенно меньше.

О глубине кризиса идентичности в период, предшествующий дефолту 1998 г., можно, в частности, судить по следующим данным массовых опросов, проведенных ФОМ в июле – сентябре 1998 г. Так, в июле среди опрошенных на вопрос "Скажите, пожалуйста, кем вы себя прежде всего ощущаете – гражданином России или жителем своей

Позиция сторонников той или иной ценностной ориентации по отношению к различным вариантам государственного устройства (февраль 1995 г.)

Какую цель, по вашему мнению, следует ставить перед собой сегодня государственным деятелям при решении вопросов государственного устройства?	На какие ценности и стандарты жизни должна, по вашему мнению, сегодня ориентироваться Россия?					
	только на западные	на западные и традиционно русские	на русские, западные и советские	только на традиционно русские	на традиционно русские и советские	только на советские
Укрепление собственного национального государства	49	46	45	39	29	28
Упрочение экономических и политических связей между государствами СНГ	31	35	39	30	29	29
Воссоздание централизованного государства на территории бывшего СССР	13	9	9	22	33	36
Другое, затрудняюсь ответить	7	10	7	9	9	7

области, республики?" наиболее внушительную группу составили выбравшие региональную идентичность (35%), тогда как приоритет российского гражданства отметили лишь 29%, еще 22% выбрали позицию "и то, и другое в равной степени", 9% – "ни то, ни другое". Среди основных социально-демографических групп перевес голосов в пользу общероссийской самоидентификации оказался характерен лишь для москвичей и жителей крупнейших мегаполисов, лиц с высшим образованием и наиболее высокодоходной трети российского населения (что дает возможность высказать предположение о начавшихся в этих сегментах общества процессах формирования новой идентичности), тогда как, напротив, процесс размывания общероссийской идентичности дальше всего зашел на социальной периферии – на селе, среди беднейших и наименее образованных слоев населения, среди молодежи (<http://www.fom.ru/reports/frames/t8037408.html>). Вместе с тем тогда же подавляющее большинство россиян (65%) выражало поддержку весьма деструктивному с точки зрения интересов российской государственности мнению, что глава администрации области (края, республики) должен иметь право приостанавливать на своей территории решения центра, если они не отвечают интересам области (края, республики) (<http://www.fom.ru/reports/frames/t8037412.html>). А в октябре того же года почти столь же внушительное большинство россиян (61%) сочло, что региональные руководители (губернаторы), избранные населением, имеют право противостоять центральной власти и вступать с ней в конфликт, если они не согласны с ее курсом (<http://www.fom.ru/reports/frames/t8040909.html>), а местные законы, по мнению 51% опрошенных, иногда могут и не соответствовать общероссийским (<http://www.fom.ru/reports/frames/t8037411.html>). Кроме того, россияне в большинстве своем одобряли действия местного руководства по ограничению ввоза или вывоза товаров из данной местности, поддерживали идею о прохождении призывниками военной службы только на территории своей области, края, республики. Наконец, усредненный рейтинг доверия россиян к своему губернатору (руководителю области, края, республики), составляющий 49%, был в несколько раз выше рейтинга доверия к любому из лидеров федеральной власти (летом 1998 г. – не более 10–12%).

Безусловно, в этих разрушительных для общенациональной идентичности сепаратистских настроениях выражалось недоверие общества (и прежде всего социальной периферии) федеральной власти, но процесс этот (даже по ощущению самих респондентов) грозил стать неуправляемым и обрести вполне зримые материальные проявления. Так, в ходе опроса, проведенного в начале сентября 1998 г., в самый разгар

политического кризиса, опрашиваемых попросили оценить вероятность следующего развития событий: "Многие регионы из-за резкого ухудшения обстановки в стране объявляют себя независимыми от федерального центра – начинается распад России"; в совокупности 41% россиян сочли такой ход событий весьма вероятным или наверняка реализующимся, 29% – маловероятным и лишь 14% – практически невозможным (<http://www.fom.ru/reports/frames/t8040122.html>). Именно ощущение этой катастрофической перспективы обуславливало, вопреки высказываемым настроениям регионального сепаратизма и антифедеральной "фронды", резкое неприятие ситуации, когда разговоры о сепаратизме переводятся в плоскость реальных действий. Так, в июле 1998 г. 76% россиян (!) выразили готовность проголосовать против отделения от России, если бы был объявлен референдум об отделении области (края, республики), в которой они проживают, от России (<http://www.fom.ru/reports/frames/t8037413.html>).

В то же время с конца 1990-х гг. наметились характерные тенденции, связанные с изменением образов идентичности, доминирующих в сознании россиян. Эти тенденции проявились, в частности, в последовательном уменьшении числа сторонников объединения России со всеми бывшими советскими республиками (то есть, по существу, речь шла о постепенной девальвации идеи воссоздания Советского Союза в его прежнем виде) и росте сторонников объединения прежде всего с Украиной и Белоруссией. Так, по данным опросов, проведенных ФОМ, доля респондентов, считавших, что России следует осуществлять интеграцию со всеми государствами СНГ, уменьшилась с 34% в 1995 г. до 27% в 1999 г., а доля сторонников интеграции в первую очередь с Украиной увеличилась с 24% в 1995 г. до 49% в 1999 г. и с Белоруссией – с 24% в 1995 г. до 47% в 1999 г. [Лапкин, Пантин, 1999, с. 36].

С конца 1990-х гг. фиксируется заметный рост числа россиян, считающих себя европейцами, при одновременном резком уменьшении числа затруднившихся ответить, что свидетельствует об актуализации проблемы европейской идентичности для большинства из них (см. табл. 2). Вместе с тем, судя по приведенным в ней данным, этот поворот к приятию европейской идентичности происходил в первую очередь за счет тех, кто прежде (в середине 1990-х гг.) пребывал в состоянии неопределенности, проявляя готовность принять переходное состояние за норму, но теперь, преодолев разрыв между августом–сентябром 1998 г. и обретя уверенность в собственных силах, все более заинтересованно "примерял на себя" западноевропейские социокультурные одежды.

Сходные данные были получены и в ходе опроса, проведенного ФОМ в мае 2002 г. На вопрос "Ряд стран Западной Европы объединены в Европейский союз. Как вы думаете, Россия должна или не должна стремиться к тому, чтобы стать членом Евросоюза?" 52% респондентов ответили "должна", 18% – "не должна", остальные затруднились ответить. Более того, в ряду наиболее развитых стран, олицетворяющих современную западную цивилизацию, именно Европа представляется россиянам наиболее приемлемым партнером. На прямой вопрос "По вашему мнению, что более важно для России – развитие партнерских отношений с Евросоюзом или с США?", заданный в ходе того же опроса ФОМ, 47% опрошенных ответили "с Евросоюзом", 28% – "в равной мере с Евросоюзом и с США" и лишь 4% – "с США" (21% респондентов затруднились с ответом). Иными словами, отношение к западным странам у россиян дифференцировано: несмотря на то, что Запад во многих аспектах выступает как целостное цивилизационное объединение, в российском общественном сознании страны Западной и Центральной Европы считаются более близкими России в культурном и цивилизационном отношении, чем США или Канада (<http://www.fom.ru/reports/frames/of19990501.html>). Таким образом, в последние годы в российском массовом сознании наметились определенные сдвиги, которые могут способствовать поискам новой национально-цивилизационной идентичности. В то же время говорить о преодолении кризиса идентичности пока нет оснований. Скорее, речь идет об актуализации некоторых перспективных направлений поиска россиянами новой национально-цивилизационной идентичности.

Проблемы европейской идентичности для россиян*

Год опроса	Считаете ли вы себя европейцем? (в %)		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
1998	24	55	21
1999	30	54	16
2000	53	45	2
2001	52	47	1

* ВЦИОМ, 2002, с. 159.

**Образы идентичности в российском массовом сознании:
основные линии размежевания**

В настоящее время в российском массовом сознании существуют различные, иногда противоречащие друг другу образы идентичности. Они обладают, как правило, многомерной внутренней структурой, что предполагает использование при их анализе различных измерений – исторического, географического, геополитического, геокультурного и т.п. Наиболее значимые линии размежевания: советская – российская идентичность, западная – восточная идентичность, европейская – азиатская идентичность, современная – традиционалистская идентичность. При этом ни один из перечисленных аналитических типов идентичности (проявляющихся в ответах на вопросы социологической анкеты), как правило, не существует сам по себе "в чистом виде" в сознании конкретного россиянина. Более углубленное исследование почти всегда обнаруживает наличие своего рода гибридных, смешанных образов. Например, советская идентичность в сознании одних и тех же людей при определенных условиях может сочетаться с евразийской и даже восточной идентичностью, особая российская идентичность – с европейской или западной и т.п.

Так, по данным опроса, проведенного ФОМ в феврале 1999 г., большинство респондентов (60%) считали, что по своим традициям и культуре Россия представляет собой страну, не похожую ни на Европу, ни на Азию; при этом еще 23% опрошенных полагали, что Россия сочетает в себе черты Европы и Азии. В то же время на вопрос "Как вы считаете, Россия скорее европейская или скорее азиатская страна?" почти половина респондентов (45%) ответили "скорее европейская" и только 16% – "скорее азиатская" (<http://www.fom.ru/reports/frames/d021909.html>). Иными словами, среди тех, кто рассматривал Россию как особую страну, не похожую ни на Европу, ни на Азию, тем не менее было немало считавших, что Россия по своей цивилизационной принадлежности все-таки ближе к Европе. При этом полагавших, что Россия – это, скорее, европейская страна, больше всего среди людей моложе 35 лет (53%) и лиц с высшим образованием (51%), что свидетельствует о преимущественно европейской ориентации этих групп населения; в то же время и в этих группах большинство придерживается мнения об особом историческом и культурном статусе России.

Переходя к другому – историческому – измерению образов идентичности, важно отметить, что в сознании многих россиян советская идентичность противостоит как традиционной российской, так и западной. В ходе опроса, проведенного ВЦИОМ в феврале 2000 года, на вопрос "Какого типа государством вы хотели бы видеть Россию в будущем?" 4% респондентов ответили: "империей, монархией, как Россия до 1917 года"; 39% – "государством с рыночной экономикой, демократическим устройством и соблюдением прав человека, подобным странам Запада"; 22% – "социалистическим государством с коммунистической идеологией типа СССР" и 28% –

"государством с совершенно особым устройством и особым путем развития" (7% респондентов затруднились с ответом) [Кутковец, Клямкин, 2000, с. 8–9]. Характерно также, что, по данным исследования, проведенного Институтом социологического анализа в мае 1996 г., большинство россиян (49%) считали, что после 1917 г. Россия стала развиваться по чуждому ей пути и только 29% согласились с тем, что советский период был продолжением прежнего, традиционного пути развития России [Кутковец, Клямкин, 1997, с. 118–140]. Для понимания этих данных необходимо иметь в виду, что СССР последовательно претендовал на создание новой, отличной от всех других национально-цивилизационной общности – мирового (или глобального – в модной сегодня терминологии) оплота социализма и строительства коммунизма и в этом отношении радикально противопоставлял себя как дореволюционной России, так и буржуазному Западу. В силу этого образ советской идентичности, продолжающий существовать в сознании части жителей России, противостоит и образу "подданного Российской империи", и образу гражданина постсоветской России, стремящейся стать современным государством с рыночной экономикой и демократическим политическим устройством. В связи с этим заметим, что даже само слово "россияне" для большинства сторонников воссоздания СССР кажется странным и неприемлемым; вместо него им привычнее и комфортнее использовать словосочетание "советские люди".

Следует также отметить, что Содружество Независимых Государств (СНГ), которое многими российскими гражданами поначалу воспринималось как своего рода обновленный СССР, в целом не оправдало возлагавшихся на него надежд и не стало тем геополитическим образованием, с которым россияне могли бы себя идентифицировать. По данным опроса, проведенного ФОМ в 2001 г., 44% российских респондентов считали, что в целом Россия проиграла от участия в СНГ, 27% полагали, что Россия в целом от этого выиграла, и еще 29% затруднились с ответом. В то же время, несмотря на нынешнее несовершенство Содружества, подавляющее большинство респондентов (79%) высказываются за укрепление СНГ, полагая по-видимому, что Россия должна добиваться иной, более прочной интеграции между бывшими союзными республиками [Мир... 2003, с. 154–155].

Данные опросов показывают, что около четверти населения России сохраняет советскую идентичность или тяготеет к ней; при этом 30% россиян поддерживают идею восстановления территориального единства СССР в том или ином, "улучшенном и более терпимом, менее репрессивном виде, но обязательно под эгидой России" [ВЦИОМ, 2001]. В то же время на вопрос "С какими государствами ближнего зарубежья, на ваш взгляд, России необходимо развивать отношения в первую очередь?" большинство российских граждан отдают предпочтение интеграции с Белоруссией, Украиной, Казахстаном и Молдавией. Тенденции восстановления прежней советской идентичности в последнее время все более явственно противостоит тенденция формирования новой идентичности в рамках экономического и политического союза России, Белоруссии, Украины и Казахстана, который по своим основаниям и принципам может быть ближе к ЕС, чем к прежнему СССР. Какая из этих тенденций в итоге возобладает, покажет будущее.

Представления об "особом пути": стремление к автаркии или к модернизации?

Нам уже приходилось писать о широкой распространенности среди россиян представлений о предпочтительности "особого пути" развития России, а также о том, что доля сторонников таких представлений во многом зависит от постановки вопроса, задаваемого респондентам, а также от контекста, в котором обсуждается этот вопрос [Лапкин, Пантин, 2001]. Хотелось бы привести некоторые дополнительные соображения об этом в связи с поисками новой национально-цивилизационной идентичности.

В настоящее время существуют различные, подчас полярно противоположные точки зрения на "особый путь" развития. Согласно одной из них, распространенной

среди радикальных "западников", "особый путь" развития России или какой-либо другой страны – нонсенс, поскольку существует единый универсальный путь экономического, социально-политического и культурного развития, открытый странами Запада, по которому должны следовать все прочие страны и цивилизации, стремящиеся к процветанию и социальной стабильности. С этой точки зрения представления об "особом пути" – некий артефакт, навязанный респондентам социологами и "рефлектирующими интеллигентами" или же защитный механизм трансформирующегося традиционалистского сознания, не справляющегося с задачами самоизменения и обнаруживающего в "особом пути" иллюзию спасения от императивов глобального универсализма. Сторонников данной точки зрения несколько не смущает тот факт, что их воззрения несколько напоминают известное положение советской идеологии о том, что единственный путь развития для всех стран и народов – путь развития к социализму и коммунизму, открытый СССР. Более того, особенности современного развития таких стран, как Япония, Индия, Китай, трактуются сторонниками этой точки зрения как извинительные (или досадные) несовершенства, обусловленные природой соответствующих обществ, как незначительные и временные отклонения от "единственно правильного" пути развития, которые неизбежно будут "преодолены" во имя идеалов процветания и стабильности.

Другая точка зрения однозначно связывает представления об особом пути с антизападничеством, изоляционизмом и отказом от модернизации. Так, О. Бочарова и Н. Ким в статье с программным названием "Россия и Запад: общность или отчуждение?" уверенно заявляют: «С середины 90-х годов массовое сознание перестает искать образцы и ценности на условном Западе и обращается к собственно российской истории и культуре, немедленно мифологизируя их. Наибольшую популярность приобретает концепт "особого пути", который можно заполнить по сути любыми значениями... Постепенно точка зрения, что Запад хочет разорить и унижить Россию и западным политикам нужна слабая Россия, все больше укреплялась в общественном мнении» [Бочарова, Ким, 2000, с. 42]. Тем не менее, как будет показано ниже, суждение об антизападничестве и отказе от модернизации тех, кто разделяет представления об особом пути России, во многом не соответствует реальному положению вещей и не подтверждается эмпирическими данными.

Третья точка зрения, которая в значительной мере разделяется нами, связывает возникновение представлений об "особом пути" развития с трудными, подчас критическими проблемами модернизации и невозможностью их решения исключительно путем копирования (или имитации) западных институтов и западного опыта социально-политического развития. Здесь уместно привести следующую констатацию В. Согрина: «В связи с перипетиями современной модернизации в российском обществе не умолкают споры о ее оптимальном варианте. Среди многих точек зрения главными являются две. Первая, отстаиваемая сторонниками "чистых" радикально-либеральных реформ, доказывает, что исторические особенности России – это не более чем идеологема, что плодотворны только универсальные рыночные механизмы, которые и должны быть освоены. Радикал-либералы доказывают, что основы современного общества, как и соответствующая им ментальность, культура и социальные нормы, могут оформиться достаточно быстро, а болезненный этап будет пройден в течение жизни одного поколения. Любой же вариант реформ, альтернативный радикал-либеральному, вернет Россию на круги стагнирующего коллективистского общества. Другая точка зрения утверждает, что Россия должна найти оптимальный национальный вариант российской модернизации, который определяется одними как "либерально-консервативный", другими – как "консервативно-либеральный", третьими – просто как "адекватный", но который в любом случае должен учесть цивилизационные характеристики России и быть сплавленным с ними» [Согрин, 2001, с. 9].

На наш взгляд, представления об особом пути развития у многих россиян связаны прежде всего с неудовлетворенностью результатами реформ и вместе с тем с нежеланием возвращаться к прежнему "государственно-социалистическому" пути развития.

Об этом свидетельствуют, в частности, следующие данные. В рамках опроса, проведенного ВЦИОМ в 2000 г., ответы на вопрос "На чей опыт стоит скорее ориентироваться при продолжении реформ в России?" распределились следующим образом: на опыт США, стран Западной Европы – 14%, на опыт развитых стран третьего мира (Южная Корея и др.) – 3%, на опыт коммунистического Китая – 7%, не следовать чужим образцам, а глубоко изучать исторический опыт России, следовать ее традициям и особенностям – 63%, затруднились ответить – 13% [ВЦИОМ, 2002, с. 157].

Вместе с тем для большинства сторонников особого пути изоляционистские, антизападнические настроения отнюдь не характерны. По данным опроса, проведенного в апреле 1997 г. ВЦИОМ по заказу Института социологического анализа, среди тех, кто хотел бы видеть Россию государством с совершенно особым устройством и особым путем развития, большинство (60%) поддерживали дальнейшее расширение экономических, политических и культурных связей, сближение со странами Запада, и только 18% выступали за сокращение этих связей и отношений. Наибольшая же доля желающих дистанцироваться от Запада была среди тех, кто хотел бы видеть Россию социалистическим государством с коммунистической идеологией типа СССР: тем не менее эта доля составляла среди них лишь 38% – почти столько же, сколько было в данной группе сторонников дальнейшего сближения со странами Запада (40%) [Лапкин, Пантин, 2001, с. 79–80].

По существу в представлениях об "особом пути" часто выражается позиция, альтернативная по отношению к радикальному либерализму, присущему отдельным хорошо адаптированным к рыночным реформам группам российского общества и столь же радикальному антилиберализму, характерному прежде всего для приверженцев социализма и советского строя. Важно подчеркнуть, что представления об особом пути развития России пока в основном лишены идеологизированности и в этом отношении противостоят как основанной на коммунистической идеологии "советской" идентичности, так и чиновничье-олигархическому "псевдолиберализму" российской элиты. Скорее, в представлениях об "особом пути" проявляются ощущение кризиса идентичности и ориентация на больший учет национально-исторических особенностей и опыта России. Вместе с тем сам по себе концепт "особого пути" ни в коей мере не стоит рассматривать в качестве своего рода панацеи, разрешающей проблему национально-цивилизационной идентичности; это лишь важный симптом поисков широкими слоями российского общества новой идентичности.

Об успешных попытках в ходе модернизации сочетать опыт наиболее развитых стран с собственными традициями и особенностями менталитета свидетельствует развитие Франции, Италии, Японии, Южной Кореи после Второй мировой войны. Во всех этих странах национальные традиции были глубоко укоренены и существовали широко распространенные представления об особенностях либо "национального духа" (Япония, Южная Корея), либо национальной культуры (Италия), либо о "национальном величии" (Франция). Так, российский исследователь-японист С. Чугров, выявляя некоторые важные параллели между политической культурой России и Японии, в частности, отмечает: «Как Россия, так и Япония на протяжении своей истории предлагали целенаправленные усилия, чтобы освоить западную систему ценностей. Для России эта задача была значительно проще, поскольку сама Россия входит в западный ареал. Япония же оказалась более успешной в решении этой задачи. В национальном сознании прочно закрепился лозунг "японский дух – ученость европейская", который был призван обеспечить сочетание восточных моральных принципов с западным утилитаризмом» [Чугров, 2002, с. 121]. Специфика России состоит в том, что многие национальные традиции в ней оказались разрушенными еще в советский период, а подлинно современные институты и ценности – не укорененными. Именно это обстоятельство затрудняет выработку новой национально-цивилизационной идентичности, в которой принадлежность к европейской (в широком смысле этого слова) цивилизации сочеталась бы с ярко выраженными национальными особенностями, ценностями и традициями. Вместе с тем формирование новой российской идентичности, которая не

противостоит современной – европейской, "западной" идентичности, а сочетается с ней, все же возможно. Однако для этого необходимы значительные, глубокие изменения в массовом сознании россиян, которые еще далеко не завершены.

Возможности формирования структур и институтов гражданского общества

В современной политической науке существует точка зрения (и мы ее разделяем), согласно которой развитие гражданского общества и процессы модернизации тесно взаимосвязаны [Гражданское... 1998]. Формирование структур гражданского общества в немодернизированном или недостаточно модернизированном обществе весьма проблематично, что зачастую сказывается на качестве соответствующих институтов и ассоциаций. Так, в сегодняшней России на пространстве, традиционно характеризующем независимые от власти самоорганизующиеся общественные ассоциации, исследователи обнаруживают так называемые "грязные сообщества", "теневые структуры", "институты неформальных отношений" [Клямкин, Тимофеев, 2000]. Эти структуры, даже соглашаясь с наличием в их функционировании некоего интегрирующего общество потенциала, никак нельзя признать либеральными, укрепляющими либеральные ценности и поощряющими практику индивидуальной свободы.

Иными словами, процессы становления гражданского общества, уровень его зрелости во многом соответствуют "состоянию общества", его модерности, качеству функционирующих в нем демократических институтов. Постсоветское российское общество в этом смысле находится в особом положении: в советский период практически завершилось разложение социальных структур традиционного типа, но процессы урбанизации и индустриализации не сопровождались органичной социально-политической модернизацией и не привели к формированию действительно современного общества. Как ни парадоксально, советская модернизация оказалась частичной и неполной, основанной на воспроизводстве архаичных и полуархаичных институтов, структур сознания, социальных и межличностных отношений. Сама советская идентичность на деле допускала существование скрытой в тени "коммунистического идеала" иерархии клановых, соседских и территориальных (земляческих) идентичностей, государственно-мафиозных и корпоративных структур, без которых выживание людей в рамках советской системы было бы просто невозможно [Вишневский, 1998].

Ускоренное перестройкой размытие тотального государственного контроля над обществом дало дополнительные импульсы формированию внеправовых механизмов регуляции взаимоотношений общества, бизнеса и власти, резко усилив влияние клановых и кланово-мафиозных структур и патрон-клиентских отношений, характерных для недостаточно модернизированных сообществ, при том что "дальние связи" и соответствующие структуры гражданского общества не получили необходимых стимулов к развитию.

Вместе с тем под влиянием глобализации и по примеру стран Запада в России с начала 1990-х гг. происходят процессы *имитации* формирования структур гражданского общества (в термин "имитация" мы в данном случае не вкладываем никакого оценочного значения). «При всей продуктивности поиска (потенциальных) ростков гражданского общества в национальном историческом прошлом той или иной страны нельзя не видеть, что самым мощным стимулом к его развитию сегодня является имитационный эффект, индуцированный неслыханным развитием коммуникаций. В эпоху, когда маклюэновская фраза о "всемирной телевизионной деревне" у всех на устах, как никогда быстро распространяются не только идеи, но и образы и стили жизни, модели поведения, системы целесообразности, потребленческие стандарты и т.п. С ними (внутри них) на новую почву попадают семена ценностей гражданского общества» [Левин, 1998, с. 31]. Подобные процессы под влиянием СМИ и других средств коммуникации в России получили широкое развитие. В целом оставаясь проблемным и принципиально *не-современным*, отдельными своими сегментами российское общество включается в процессы перехода цивилизации к качественно новому уровню

"информационного общества", которое, в свою очередь, представляется составной частью формирующегося "глобального гражданского общества".

Что же касается "прорастания" структур гражданского общества изнутри, на собственной ценностно-культурной основе, без чего общественная самоорганизация не может быть достаточно устойчивой и полноценной, то оно осуществляется в России очень медленно и с огромным трудом. И происходит это в значительной мере в силу медленного формирования новой национально-цивилизационной идентичности, нового, более адаптированного к реалиям современного мира, более модернизированного сознания. На бумаге имеются тысячи общественных организаций, объединяющих чуть ли не многие миллионы граждан, однако в реальности соответствующая социальная сеть оказывается эфемерной имитацией гражданской активности атомизированного социума [Шмиттер, 1999, с. 30]. Это скорее затрудняет, нежели облегчает переход к завершающему этапу двуединого процесса формирования полноценного "социального агента" гражданского общества, ответственного и способного к "самостоянию" свободного индивида.

Вместе с тем процессы формирования гражданского общества в постсоветской России, безусловно, происходят, хотя происходят они не так, как в странах Запада и не так, как они мыслятся в рамках неких идеальных схем. В этой связи представляется справедливым суждение Л. Мамута о проблемах формирования гражданского общества в современной России: «Скептики и паникеры удручены тем, что негосударственные институты (общественные объединения) в России на рубеже XX–XXI вв. не таковы, каковыми им надлежит быть по некоей "норме", какими им надлежит быть в идеале и т.п. Но тот, кто судит о конкретно-исторической действительности (и ее слагаемых) с заоблачных высот надвременного идеала, рискует проглядеть главное: момент фактических изменений и развития, уже воплотившийся в этой действительности. Она не может быть адекватно объяснена без сопоставления с предшествующим ей (а в данном случае еще и с качественно иным) историческим этапом в жизни страны» [Мамут, 2002, с. 99]. В данном случае речь идет о формировании на месте прежней "советской" новой национально-цивилизационной идентичности в России как о процессе, сопряженном с возникновением и развитием структур и институтов гражданского общества.

Социокультурные процессы в российском обществе в определенном смысле развиваются в противофазе с общемировыми: если там параллельно с эрозией ценностей национального государства идет выработка "основы жизненного мира для *всемирного республиканства*" [Бек, 2001, с. 23], то здесь общественное сознание старательно освобождается от характерных для минувшей, большевистской эпохи представлений о всемирном интернационале, о единой республике трудящихся, то есть от прежней универсалистско-имперской идентичности. Восприняв ценность *национального* в период глобального кризиса национально-государственной парадигмы, российское общество, образно говоря, разрывается между потребностью *модернизации* (в ее традиционном понимании, делающем акцент на ценности и рамочные условия национальной государственности) и необходимостью адаптации к постмодерным, глобалистским тенденциям мирового развития.

Таким образом, если бы в нынешней ситуации можно было абстрагироваться от влияния фактора глобализации, то следовало бы констатировать, что российскому обществу предстоит путь постепенного вовлечения в пока еще ограниченную сферу "частичного гражданского общества" все более широких социальных слоев, по мере того как они (посредством профессиональной, социальной и политической самоорганизации, а также оформления и закрепления своих консолидированных интересов в праве) обретут основы самостояния, а тем самым и качества включенности в структуры гражданского общества. Последнее же станет постепенно утрачивать атрибуты своей "частичности" и, напротив, обретать качества полноценности гражданской самоорганизации и конструктивного партнерства с легитимной политической властью и государством.

Но Россия решает задачи модернизации и формирования гражданского общества здесь и сейчас. И быть может, наиболее важная и принципиальная проблема на пути

формирования институтов гражданского общества в России – преодоление кризиса идентичности, который переживает российское общество и который резко усугубляется процессами глобализации. Иными словами, без формирования новой национально-цивилизационной идентичности и выбора определенного пути развития ("западный", "восточный", "особый" и т.п.), которые являются одновременно и предпосылкой, и результатом подлинной, а не мнимой модернизации, формирующиеся структуры гражданского общества в России будут по-прежнему как бы "парить" над национальной "почвой" и в значительной мере имитировать соответствующие структуры более развитых стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман Э. Индивидуализированное общество. М., 2002.
- Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001.
- Бочарова О., Ким Н. Россия и Запад: общность или отчуждение? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1.
- Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
- ВЦИОМ, 2001: Общественное мнение-2001 (по материалам исследований). М., 2001.
- ВЦИОМ, 2002: Общественное мнение-2002 (по материалам исследований). М., 2002.
- Гражданское общество в России: структуры и сознание. М., 1998.
- Дилигенский Г.Г. Российские архетипы и современность // Вестник РОПЦ. 1996. № 2.
- Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И. Между авторитаризмом и демократией // Полис. 1995. № 2.
- Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М., 2000.
- Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Русские идеи // Полис. 1997. № 2.
- Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Чего ждет Россия от Путина? // Московские новости. 2000. № 9. 7–13 марта.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Ценности постсоветского человека // Человек в переходном обществе. М., 1998.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Перспективы реинтеграции российского суперэтнуса // Тезисы докладов VII конференции "Человек и природа – проблемы социоестественной истории" – "Ландшафт и этнос". М., 1999.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Образы Запада в сознании постсоветского человека // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 7.
- Лапкин В.В. Трансформация политических ценностей российских избирателей // Политическая наука. Динамика политического сознания и поведения. 2002. № 2.
- Левин И.Б. Гражданское общество на Западе и в России // Гражданское общество в России: структуры и сознание. М., 1998.
- Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. М., 2003.
- Национальные интересы и политические реалии современной России (Заочный "круглый стол") // Полис. 1997. № 1.
- Национальный интерес *versus* государственный интерес: теоретические понятия и политическая реальность ("Круглый стол") // Полис. 2000. № 1.
- Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001.
- Холодковский К.Г. Социальные корни идейно-политической дифференциации российского общества // Полис. 1998. № 3.
- Чугров С.В. Россия и Япония: о некоторых параллелях в политической культуре // Запад и западные ценности в российском общественном сознании. М., 2002.
- Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии // Полис. 1999. № 3.
- Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.